

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОН ДЬЯВОЛ

ЕВДОКИЯ ГУЛЯЕВА

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мужчины с золотыми наручниками

Евдокия Гуляева

ОН. Дьявол

«Автор»

2023

Гуляева Е.

ОН. Дьявол / Е. Гуляева — «Автор», 2023 — (Мужчины с золотыми наручниками)

Его боятся до такой степени, что даже имя его, как правило, вслух не произносят. Даже сильные мира сего - вершители судеб человеческих называют его «Сам-Знаешь-Кто» или просто ОН.Келлан Дагер - изощрённее и жёстче самого дьявола. По крайней мере, последний только затащит в преисподнюю и будет терзать вашу душу до скончания веков. А ОН - сначала заставит молить об этом. И вынудит поверить, что делает одолжение, в то время, как будет перерезать вам горло. Ева Аддерли расплачивается за алчность и бесчестность своего отца. У неё никогда не было возможности отказаться от сделки с дьяволом.***От автора: Внимание! Присутствуют сцены жестокости и насилия, боли и крайностей. Книга не для читательниц с тонкой душевной организацией! Эта история о бесчувственном чудовище и негибавшей девушке, чьи взаимоотношения в лучшем случае - нестандартны, в худшем - чрезвычайно рискованны.

© Гуляева Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 2.2	12
Глава 3	14
Глава 3.2	16
Глава 3.3	19
Глава 4	22
Глава 4.2	25
Глава 5	28
Глава 5.2	30
Глава 6	32
Глава 6.2	34
Глава 6.3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евдокия Гуляева

ОН. Дьявол

Пролог

Подрастая, я всегда знала, что похищение вполне возможно.

Поспешно гоню детский страх. И это даётся мне нелегко – мозг неудачно выбрал момент и именно сейчас решил прокрутить болезненные воспоминания.

За свои восемнадцать не помню ни одного раза, когда бы я имела свободу выбора: каждый момент моей жизни контролировался отцом и был им четко спланирован. Меня всегда тщательно опекали, оберегая, пряча от цепких глаз криминальных воротил, теневых личностей средней значимости – список таких людей просто огромный, и он, на самом деле, ещё больше, чем я могла тогда предположить.

Поначалу я думала, что причина такой защиты – в родительской любви, но мне не потребовалось слишком много времени, чтобы осознать, насколько я ошибалась. Как Ахиллес, отец был практически недосыгаем; но у первого единственным уязвимым местом оказалась пятка, а у второго – я. Вот такое недоразумение в виде дочери.

Теперь удивляюсь, отчего он самостоятельно не избавился от меня раньше!

После звона разбитого стекла в доме остаётся лишь полная и страшная тишина.

Внутри шагов не слышно, но это не значит, что в здесь никого кроме меня нет. Это говорит только о том, что кто-то двигается настолько бесшумно, абсолютно, что заставляет засомневаться в адекватности собственного восприятия реальности.

Я пячусь назад, неуклюже падаю и приземляюсь на задницу, но серебряный миниатюрный нож для писем из рук не выпускаю. По-прежнему сжимаю его, выставив перед собой.

Да, нечего сказать – оружие! Но ведь ничего другого не было.

Дверь настежь распаивается.

Внушительная тёмная мужская фигура замирает в проёме. Я не могу разглядеть его, потому что мой взгляд упирается в дуло пистолета, нацеленного мне в голову.

Глотаю слова вместе со сдавленным криком, потому что догадываюсь, кто это.

ОН.

Тот, кто держит ствол напротив моего лица, а палец на курке – Келлан Дагер – один из крупнейших нелегальных торговцев оружием в мире, скандально известный владелец секс-траффика и прочее-прочее, а ещё человек, которому отец меня отдал в счёт своего долга.

Глава 1

События за сутки до произошедшего...

ОН

В грязном неприметном переулке Ист-Энда, кишашем бомжами и крысами темно, как в заброшенном подвале, но я вижу Бенджамина Аддерли раньше, чем он меня.

Он стоит у чёрного «Майбаха», держа руки в карманах своего длинного пальто, слегка покачиваясь с носков на пятки, заметно нервничая. Мужчина изо всех сил делает вид, что припаркованный на противоположной стороне улицы, полицейский автомобиль без опознавательных знаков и сидящий в нём представитель власти, не состоит у него на смежной службе, но то и дело косит туда взгляд, проверяя, на месте ли он.

Последний, в свою очередь, притворяется, что в данный момент не держит палец на курке табельного пистолета. Свободной рукой он порывисто проводит по волосам, закидывая чёлку наверх, но не может скрыть паническое выражение с лица, когда ежеминутно подсматривает в боковое зеркало.

Я же вижу больше. И знаю, что голова офицера уже на прицеле у одного из моих людей. И прежде, чем закончится наша с Бенни встреча, мозги продажного полицейского забрызгают пыльную приборную панель его ржавой машины.

Всё так и произойдет.

Впрочем, убийство блюстителей порядка – дело грязное. В следующий раз проще перекупить оных. Это хоть и обернётся немалыми расходами, но сокрытие их трупов будет стоить гораздо дороже.

Спускаюсь с нижнего пролёта пожарной лестницы. Металлический скрежет вторит моим шагам, жутковатым эхом отражается от глухих кирпичных стен. Я безоружен. С улыбкой на лице приближаюсь к Бенни, зная, что Оскар прикрывает мне спину.

Почему у нас везде кто-то кого-то пытается обмануть? Каждый – каждого! Почему?

Потому, что миром управляют дураки. Я это ещё подростком понял. Даже под страхом смерти они не прекращают найти способ н*ебать ближнего – идут на бессмысленный риск, надеются на то, что обойдётся, прекрасно зная, что я вытащу их кишки и на двери их же богатых особняков наматаю.

Бенджамин Аддерли знал, как всё для него обернется. Он облажался, поэтому мне пришлось привлечь к нашей душевной беседе высокоточную снайперскую винтовку с прицелом, через который Оскар полностью контролировал ситуацию.

Совершив ошибку я, и Бенни так же не упустил бы случая. Но к несчастью для него и его семьи всё сложилось иначе.

Как только я оказываюсь в поле его видимости, и мы встречаемся взглядами, он сам сокращает расстояние между нами и протягивает мне ладонь для рукопожатия. Я вижу, как дрожат его пальцы. Но не собираюсь облегчать его страдания и намеренно игнорирую взаимный ритуал приветствия, не говоря ни слова, оставляя его руку висеть в воздухе.

Мне не понять, к чему люди попусту тратят слова, когда простое молчание и взгляд способны выразить практически все.

Глаза Бенни – теперь они забежали, ретранслируя наружу судорожный поиск выхода из созданной им дрянной ситуации. Он медленно опустил ладонь, сжал и разжал кулак, снимая напряжение с пальцев, а потом поправил лацканы своего пиджака. Который, к слову, выглядит так же, как и мой, за тем исключением, что мой стоит гораздо дороже.

– Дагер, послушай... Я думал, ты дашь мне шанс объясниться... Мы сможем всё это обсудить...

Сунув руки в карманы, я сразу нашупал уголок маленькой фотографии в левом. На ней мы с сестрой ещё совсем дети. Этот дорогой мне снимок – своевременное напоминание о том, что в конфронтации вовсе не годится срываться с катушек раньше времени. Иначе твой оппонент попросту быстро умрет, и ты не насладишься впечатляющим зрелищем его мучительной предсмертной агонии.

Именно такой оплошности и следует избежать, поэтому я постоянно контролирую своё состояние и мысли.

Пренебрежительно игнорирую суетливо перетаптывающегося рядом Бенни. Бросаю взгляд на полицейского, который делает вид, что смотрит куда-то в сторону, словно он совершенно случайно выбрал это время и место, чтобы пересидеть здесь ночное дежурство.

Несколько секунд пристально смотрю на «Майбах» пытаюсь разглядеть женский силуэт через его тонированные стёкла, но салон машины пуст. Бенни приехал один.

– Где твоя дочь?

Он хмурится, и его без того бледное лицо становится совсем бесцветным. Губы тоже по-прежнему сжаты в тонкую линию. Он не хочет отвечать на мои вопросы, ладно.

Бенджамин Аддерли желает поиграть? Неразумно.

Я устал. Чтобы забрать его девчонку, мне пришлось самому проделать длинный путь из Сиэтла в Лондон.

Я видел фотографии его дочери. К счастью, она совсем непохожа на своего отца. Никто из моей солидной клиентуры никогда бы не заинтересовался трахом с женской версией этого засранца. А так на неё уже нашёлся покупатель, поэтому я приехал за ней.

Покрепче сжав фото, ощущаю, как потрёпанная и когда-то глянцевая бумага гнётся под пальцами. Её края уже не остры, углы измяты. Однако, мне важно, чтобы эта фотография протянула ещё немного, прежде чем я распечатаю новую. Я уже использовал четыре таких, пытаюсь держать себя в руках в течение двух десятилетий, с тех пор как в пятнадцатилетнем возрасте стал прибегать к этому нехитрому способу успокоиться.

В тридцать пять, казалось бы, я уже должен был бы справиться со всем этим эмоциональным дерьмом.

Но это не так.

При одном взгляде на это жалкое подобие мужика, указательный палец начинает подергиваться, словно на курок нажимает.

Мужчины всегда держат слово. Этот – нет. Потому, что с ним нет его девчонки. А сам Бенни впустую отнимает моё время.

Поникая голова, бегающий взгляд, сутулость, сжатые губы, опущенные плечи – все эти внешние проявления его беспокойства ежеминутно подталкивают меня к потере самообладания.

Бенджамин Аддерли давно в деле и в курсе всех тонкостей криминального мира, так как увяз в нём по самые уши, а черти крепко держат его за яйца. Он много лет управляет бизнесом, аналогичным моему. Как и я, он умеет манипулировать людьми и неплохо разбирается в этом. Однако, я умею читать их мысли. Даже самые постыдные. Когда растёшь с таким отцом, как мой, – это необходимость. Невнимательность и недостаток навыков распознавать его эмоции и настроение, в буквальном смысле, могли привести к нашей с сестрой смерти.

Поэтому я уверен, что Бенни не врёт мне, когда произносит:

– Она сбежала.

С плохо скрываемым раздражением Оскар тихо сплюнул на землю. Он спустился с точки обстрела и встал, подперев спиной кирпичную стену, рядом с полицейской машиной, но остался абсолютно незаметным для посторонних глаз. Наверняка и его указательный палец сейчас зудит от нетерпения, но жёсткая дисциплина заставляет его ждать.

Офицер больше не таится. Теперь он живо смотрит по сторонам, обдумывая возможные варианты развития событий. Должно быть, догадывается, что всё идет не очень-то гладко.

– Она сбежала? – безэмоционально интересуюсь я, и выдерживаю паузу, позволяя Бенни подумать, как лучше объяснить мне это дерьмо.

Сейчас мне больше интересно сбежала сама, или это он велел ей спрятаться?

Бенни кивает. Он то и дело нервно вытирает пот со лба платком, и каждый раз засовывает его в карман брюк:

– Сбежала, – повторяет снова и снова тяжело сглатывает, – вчера ночью.

– Она знала, что я приеду за ней?

Очередной короткий кивок и почти удушливое покашливание.

– Разумеется. Я всё рассказал ей. Не буду же я швырять собственную дочь в багажник без объяснения.

Интуитивно чувствую, что он что-то недоговаривает.

Улыбаюсь ему и всё своё внимание переключаю на фотографию в кармане. Запас терпения почти иссяк. Старый снимок вот-вот разорвётся в чёртовых подвижных пальцах, если придурок ляпнет какую-нибудь очередную хрень в процессе разговора.

Не произношу ни слова. Просто знаю, что он облажается.

– Нужно было не говорить ей. Так было бы проще. Я не подумал.

Бойтся. Страх не в голосе, не в сбивчивой речи или дёрганных движениях. Всё написано во взгляде.

Странно, не правда ли?

Так бывает, когда вдруг смотришь в чьи-то глаза, и появляется возможность заглянуть в чужую душу и мысли, будто через окно в чужую жизнь, в чужие тайны, даже в чужую боль.

Глаза – это они не могут скрыть правду.

А в чём она заключается?

Меня боятся. Все. Даже если ничего от меня не скрывают – отводят взгляд от осознания собственного ничтожества.

Бенни Аддерли, а теперь и его девчонка, совершили непоправимую ошибку: у него всё пошло не так и грузовое судно с контрабандным оружием угодило в чужие руки – в результате около двадцати миллионов долларов, которые должны были лечь в мой карман, исчезли; у неё хватило наглости бросить мне вызов и сбежать; а у меня появилось чертовски веское основание для их показательного наказания с пристрастием.

При нынешнем раскладе, уже насрать на деньги.

Однако последнее, на что у меня есть время – гоняться за восемнадцатилетней девчонкой, которой предстоит стать ничем иным, как шлюхой, стелющейся подле ног власть имущих. В том, что придётся её поискать сомнений не было.

Взглядом предупреждаю Бенни отвечать честно и не пытаться казаться храбрее, чем есть:

– Где она может находиться? Подумай. Сейчас ты решаешь её судьбу. Не то чтобы я планировал это, но если лично буду вынужден обшаривать всю Европу, то потом попросту прикончу её нах*й.

Бенни вздрагивает, как будто я внезапно заорал, а не тихо озвучил возможные последствия; и гулко сглатывает, так, что его кадык под кожей ходит ходуном.

– Она с моим сыном, – обречённо шепчет он, едва шевеля помертвевшими губами, – в Брайтоне, в полутора часах езды от Лондона.

В сфере организованной преступности есть кодекс, но не существует моральных принципов.

Очень интересно, когда мужчины вот так просто идут на отказ от собственных детей. И речь сейчас именно о девочках. Сыновья намного важнее дочерей.

– С Томасом? – спрашиваю его, вдруг он успел настрогать ещё парочку отпрысков на стороне. – Я знаю, где живет твой сын. Побережье?

Лицо Бенни побледнело.

И тут я его отлично понимаю. У меня никогда не будет детей. Они – пешки, единицы шахматной силы, используемые в серьёзной игре интересов.

Повернувшись к Бенни спиной, иду к спортивному чёрному McLaren, припаркованному чуть в стороне от его «Майбаха», и на ходу бросаю:

– Я нанесу визит Томасу.

Сажусь в автомобиль, завожу двигатель и опускаю стекло:

– Передавай привет супруге.

С улыбкой наблюдаю, как его лицо становится пунцовым, а глаза округляются от ужаса. Его жена давно мертва, ему ли не знать этого.

Схватив пистолет с передней панели, резко выставляю его в окно, прежде чем Бенни успеет и глазом моргнуть.

Пуля вылетает почти без звука, благодаря глушителю. Первый хлопок – и он тяжело падает на одно колено.

В то же мгновение в переулке раздаётся очередь громких выстрелов. Лобовое стекло полицейской машины разлетается вдребезги, когда Оскар устраняет ненужного свидетеля.

Недовольно пищат потревоженные крысы.

Бенджамин Аддерли с трудом поднимается. Держась за раненую ногу, он опирается на крыло своего «Майбаха» и изо всех сил старается не скулить с голос, понимая, что моё решение оставить ему жизнь неокончательное.

Теперь у него нет дочери, но осталась одна здоровая коленная чашечка. Кстати, не самый плохой выбор.

Он должен усвоить, когда следует вставать передо мной на колени!

Глава 2

Ева

Я не рассчитывала, что ОН найдёт меня так скоро.

Томас где-то на пляже зависает в зале игровых автоматов, когда стеклянная дверь нашего дома в Брайтоне рассыпается вдребезги, и тысячи её кусочков разлетаются в разные стороны.

Так не приходят гости. Так врываются лишь те, кто, как и отец, связан с криминалом.

Только ОН, кто имеет столько власти и наглости, мог позволить себе переполошить курортный прибрежный городок, как этот, и остаться безнаказанным.

Но я была к этому готова. Настолько, насколько это вообще представлялось возможным.

Томасу следовало прислушаться ко мне. Мы планировали уехать в Эдинбург, а оттуда на автомобильном пароме в Норвегию, и затеряться где-нибудь в её западной части. Но брат вот уже лет пять как оторван от реальности. В свои двадцать три года, на пять лет старше меня, он был зависимым игроманом. Нет, конечно, он не всё время проводил за игровым столом, но когда садился за него, то терял чувство времени, иногда пропадая днями и неделями, забывая об ответственности и нарушая данные обещания.

Но он обязан был вытащить меня отсюда!

Отец потакал пагубной привычке своего ценнейшего отпрыска, считая это обычным баловством. Томас же всю пользовался своим статусом и привилегиями.

В криминальной среде к наследникам относятся уважительно. Ведь уходя из жизни, ничего нельзя унести с собой. И отец это понимает. Если бы не его вера в то, что брат обязательно наиграется, одумается и впряжётся в лямку «семейного бизнеса», Томас был бы уже мёртв.

Впрочем, я была бы первой.

Так не должно быть. Но мы с братом к этому привыкли.

Однако отец ценит сына, а тот, в свою очередь, дорожит мной. Поэтому для дражайшего папочки моя жизнь стоит чуть больше, чем ничего.

Я успеваю схватить мобильник, забежать на второй этаж и набрать номер Томаса. Шанс на то, что он ответит, совсем крошечный. Длинные гудки ожидания действуют мне на нервы. От горечи понимания того, что он не возьмёт трубку хочется завывать. Это происходит тогда, когда у него на руках расклад с высокой вероятностью выигрыша. Тем не менее, я в надежде жду, не сбрасывая вызов, ставлю на громкую и хватаю с письменного стола нож для открывания корреспонденции.

Конечно, это не совсем нож, этот больше похож на короткую декоративную спицу; и не пистолет, с которым мне вообще не по себе. Но когда в детстве тебе пихают в рот огнестрельное оружие, вместо того чтобы хвататься за отцовский ремень, ты уже никогда не избавишься от пережитого страха и не возьмёшь его в руки.

Монотонные гудки в моём мобильном замолкают. Дисплей телефона гаснет.

После звона разбитого стекла в доме остаётся лишь полная и страшная тишина.

Я в удобных для бега кедах, плотных чёрных легинсах и безразмерной футболке Томаса того же цвета. После того, как отец вскользь проговорился мне, что последняя сделка с оружием прошла совсем не так, как всем виделось, отчего-то мне расхотелось спать в коротеньком шёлковом топе и шортиках. В обуви, наготове, с небольшим дорожным рюкзаком вместо подушки, даже в собственной кровати я чувствовала себя «на старте».

Мы уехали в ту же ночь, когда отец поведал Томасу о моём будущем.

Он не планировал предупреждать меня заранее, намереваясь позволить ЕМУ забрать меня. А потом выкупить, когда провернёт несколько удачных сделок и вернёт Дагеру долг. По крайней мере, он был уверен, что сделает это.

К чёрту мужиков!

Крадусь к открытому окну, замирая за кружевной шторой. Только с третьим глубоким выдохом выглядываю на улицу. На заднем дворе пусто, лишь низкорослые вечнозелёные ксерофитные кустарники; а ещё свободная гравийная парковка, свидетельствующая о том, что брат уехал на своём Porsche.

До пляжа, находящегося в двух кварталах от нашего дома, видимо, мне придётся добегать. На побережье – «Брайтон Палас Пир», а там Томас. Если, конечно, мне удастся вылезти из окна и проскочить незамеченной.

Наверно.

В том, что во дворе находится не один человек, я не сомневаюсь.

А вот в доме... Даже не знаю.

Дурацкая мыслишка, но вдруг это самый обычный грабитель, который задумал утащить всё то, что было скоплено отцом таким трудом и лишениями: столовое серебро, винный погреб с марочными бутылками бургундского, папочкина любимая коллекция трофейного оружия и, несомненно, деньги.

От частого дыхания кружится голова. Нож в моих дрожащих вспотевших руках позвякивает о подоконник.

По-настоящему страшно.

И снова тишина.

Несколько минут просто стою, пытаюсь успокоиться. Закрываю глаза. Глубоко вдыхаю. Открываю, и внизу во дворе дома... вижу его.

Цепкий взгляд устремлён прямо на меня. Он держит в руках винтовку, но не наготове, а небрежно опустив ствол. И это нервирует меня даже больше, чем если бы я была у него на прицеле. Он просто выжидает и наблюдает за мной, и я понимаю – значит в доме, как минимум, ещё один.

Сердце забило где-то в горле. Неотвратимо. Обреченно.

Я до боли прикусила губу, прогоняя жалость к себе.

Перед домом ОН сам или один из его людей, пока не ясно. Но так ли это сейчас важно?

Глава 2.2

Без резких движений оседаю на пол и на животе по-пластунски быстро ползу к двери. Может, если я успею, то смогу добраться до лестницы на чердак. Цепляюсь за эту мысль, напрягаю слух, пытаюсь угадать, есть ли кто за дверью.

Забавно, ведь каждый раз я ворчала на Томаса, чтобы тот прекратил жрать по ночам, потому что слышала шуршание, стук и чавканье, а теперь, не могу уловить шаги мужчины, который, особо не прячась, собирается меня выкрасть.

Подрастая, я всегда знала, что похищение вполне возможно.

Поспешно гоню детский страх. И это даётся мне нелегко – мозг неудачно выбрал момент и именно сейчас решил прокрутить болезненные воспоминания.

За свои восемнадцать не помню ни одного раза, когда бы я имела свободу выбора: каждый момент моей жизни контролировался отцом и был им четко спланирован. Меня всегда тщательно опекали, оберегая, пряча от цепких глаз криминальных воротил, теневых личностей средней значимости – список таких людей просто огромный, и он, на самом деле, ещё больше, чем я могла тогда предположить.

Поначалу я думала, что причина такой защиты – в родительской любви, но мне не потребовалось слишком много времени, чтобы осознать, насколько я ошибалась. Как Ахиллес, отец был практически недосягаем; но у первого единственным уязвимым местом оказалась пятка, а у второго – я. Вот такое недоразумение в виде дочери.

Теперь удивляюсь, отчего он самостоятельно не избавился от меня раньше!

Добравшись до двери, чувствую, как в груди разгорается искорка надежды. Но тут же гаснет, когда в комнате раздаётся оглушительный трезвон мобильного, моментально раскрывая похитителю информацию о моём местоположении.

Это Томас. Но чтобы принять вызов и ответить на звонок, мне необходимо встать и подойти к столу, где я оставила телефон. А я совсем не желаю облегчать задачу вооружённому типу за окном и подставлять ему открытую спину – это всё равно, что нарисовать на ней удобную мишень.

Томас значительно сократил время препровождения за игральным столом, с тех пор, как мы оказались с ним в Брайтоне, поэтому, видя мою озабоченность, он всякий раз повторял это, буквально по-детски, наивно веря, что так он сможет защитить меня практически в любой момент.

Возможно, он просто не хотел верить в силу сложившихся обстоятельств. Может быть, думал, что отец сможет быстро разобраться со своими проблемами и сгладить существующий конфликт интересов.

В любом случае, появление Томаса не заставит себя долго ждать. Он может поступать, как стереотипный зависимый игроман, путающий реальности и время, но быстро сообразит, что к чему; голова на плечах у него ещё осталась, вдобавок – раздутое самомнение и крутой нрав. В том, что он, вернувшись, первый спровоцирует перестрелку и первый пострадает – сомнений не было.

Телефон замолчал, но через несколько секунд зазвонил снова.

На счету каждая секунда.

Мы оба обещали маме, что будем присматривать друг за другом.

Она умерла, когда мне было десять. Что, чёрт возьми, я вообще помню о ней, кроме того, что у неё, как и у меня не было свободной жизни и собственного выбора? А ещё то, что она ненавидела нашего отца и противостояла ему на каждом шагу, что, скорее всего, и привело к её скоропостижной кончине.

Эта тревожная мысль усиливает состояние паники.

Чего бы она хотела для меня?

Не всего того, что сейчас происходит, разумеется. Но, по крайней мере, я верю, она порадовалась, если я хоть раз в жизни смогла бы сделать собственный выбор.

Один.

Два.

Три.

Мысленно начинаю считать, как всегда делала, когда Томас в детстве затаскивал меня к глубокой части бассейна, чтобы столкнуть в воду. Я не умела плавать и жутко боялась. Меня ужасала сама мысль, что я могу утонуть. Стоило пальцам ног коснуться бортика, как сердце принималось глухо колотиться в клетке из рёбер. И я начинала считать до шестидесяти. Дыхание постепенно приходило в норму, пульс снижался, и мне становилось стыдно за свой панический страх.

Четыре.

Пять.

Шесть.

Снаружи шагов не слышно, но это не значит, что там никого нет. Это говорит только о том, что кто-то двигается настолько бесшумно, абсолютно, что заставляет меня сомневаться в адекватности своего восприятия реальности.

Я пячусь назад, неуклюже падаю и приземляюсь на задницу, но серебряный миниатюрный нож для писем из рук не выпускаю. По-прежнему сжимаю его, выставив перед собой.

Да, нечего сказать – оружие! Но ведь ничего другого не было.

Дверь настежь распахивается.

Внушительная тёмная мужская фигура замирает в проёме. Я не могу разглядеть его, потому что мой взгляд упирается в дуло пистолета, нацеленного мне в голову.

Глотаю слова вместе со сдавленным криком, потому что догадываюсь, кто это.

Это не тот человек, что был за окном.

Это именно ОН.

Тот, кто держит ствол напротив моего лица, а палец на курке – Келлан Дагер – один из крупнейших нелегальных торговцев оружием в мире, скандально известный владелец секс-траффика и прочее-прочее, а ещё человек, которому отец меня отдал в счёт своего долга.

Я прекрасно понимаю, что против него у меня нет никаких шансов, но нож не опускаю.

Во рту пересохло. Горло дерёт, словно его выстлали наждачкой.

– Встань и подойди ко мне, – говорит негромко, не грубо, не резко, но очень внятно; тон ровный, очень, как нить... натянута до звона. – Если не сделаешь, мы дождёмся младшего Аддерли, я вложу в твою ладонь этот ствол, и мы вместе спустим курок, целясь ему в лоб. Обещаю.

Парадоксально, но именно сейчас конечности полностью отказываются меня слушаться. Хочу выбросить нож, но никак не могу разжать онемевшие пальцы.

К горлу подкатывает ком слёз, тело сковывает нервное оцепенение, коленки предательски дрожат, как и помертвевшие губы.

– Не могу... Я. НЕ. МОГУ.

Умоляюще заглядываю в ЕГО глаза, ожидая наткнуться в них на злость, но нет, там, скорее, зрелая усталость и полное отсутствие удивления, словно ОН привык к такому, и только с каждым разом всё больше разочаровывается.

Разочаровывается, но не удивляется.

Глава 3

ОН

Отвлекаясь от свежих донесений, собранных моими людьми, я отрываю взгляд от экрана ноутбука и смотрю на Уолтера, замершего в дверях кабинета. Он знает, что меня нельзя беспокоить, но уж если пришёл, значит будет молчаливо ждать – это именно то, чему я учил его последние пять лет.

Он молод. Чуть за двадцать. Большую часть своей жизни проводит в Колумбии и Мексике, работая на меня с латиноамериканскими картелями. Однако, ради Евы Аддерли, я вызвал его сюда, в Сиэтл. Временно. Если Оскар – ас и настоящий виртуоз владения оружием; любые его образцы он осваивал быстро и тонко чувствовал изделия; то Уолтер был профессионалом в своём деле. Я бы охарактеризовал его, как имеющего человеческую форму, но не сущность – высококвалифицированный садист.

Я снова перевел взгляд на монитор. У агентов департамента юстиции США вновь добавилось работы и теперь они носятся по кругу, пытаюсь выяснить, что же пошло не так в Карибском бассейне, и как это можно использовать против меня и в их интересах.

Бенджамин Аддерли и его алчность – вот истинная причина провала многомиллионной контрабандной сделки, – он пожалел денег на сопровождение груза, в результате чего моё оружие попало в чужие руки. И мне плевать на скрытые смыслы его поступка, причины, нюансы, а ещё на деньги, которые, как песок сквозь пальцы, утекли на чужие счета; у меня появилась единственная возможность вернуть когда-то давно утерянное.

Закрыв ноутбук, я откинулся и поудобней расположился в кресле. На несколько долгих секунд прикрыл глаза и только потом сосредоточился на визитёре.

Высокий, русоволосый, стройный, в идеально сидящем тёмно-сером костюме в голубую полоску и с пронизательным взглядом, он напоминал безупречного героя женских романчиков, но никак не усердного «преподавателя физического воспитания».

– Что вы хотите от неё?

Приложив указательный палец к губам, я пытаюсь подавить улыбку. Это же очевидно! Тем не менее отвечаю на его вопрос:

– Повиновение.

Уолтер хладнокровен и спокоен. Сразу и не скажешь, что он с лёгкостью ломает ноги и челюсти, выкручивает руки и жестоко играет на нервах; хорошо, что не на моих, поскольку, в противном случае, держать его при себе было бы невозможно.

– Существуют ли границы, которые мне нельзя пересекать?

Его губы трогает тень улыбки, словно он расторопный бариста, который принимает заказ и интересуется, любите ли вы погорячее и покрепче, добавить ли корицу или миндаль; мне всегда импонирует его тонкое чувство юмора, а также точность, скрупулёзность и тщательное следование указаниям.

Качнувшись вперёд, я ставлю локти на стол, сцепив в замок пальцы и положив на них подбородок. Удерживаю его взгляд и размышляю над вопросом.

Вспоминаю поведение девчонки по дороге сюда: она молчала и донельзя спокойно реагировала на происходящее; единственный момент, когда она не смогла выбросить нож, можно не считать за открытое неповиновение (тремор рук под моим взглядом возникает даже у сильных мужчин); с завязанными глазами она не ревела, ни истерила, а, главное, не задавала долбанных тупых вопросов.

Ей ли не знать, как всё бывает!

И лишь, когда она переступила порог этого дома, пришлось накачать её сильнодействующими седативами.

Именно тогда страх выплеснул щедрую порцию адреналина в её кровь, побуждая к действиям, и её хрупкое тельце стало отважно бороться. В конечном итоге, бессмысленные потуги ни к чему не привели, лишь обратили на себя моё внимание. Что оказалось большой ошибкой.

– Без переломов, – вспомнив об этом, пожимаю плечам и морщусь, как кривятся любители музыки, услышав фальшивую ноту, – и любых необратимых повреждений.

Взгляд Уолтера падает на мои руки, лишь на долю секунды, затем стремительно возвращается обратно к глазам, но я мгновенно это замечаю. Его попытка сохранить непроницаемое выражение лица проваливается с треском.

Пристально наблюдая за ним, я снова откидываюсь в кресле, но теперь сжимаю его подлокотники так крепко, что деформированные костяшки моих пальцев белеют.

Да, в отличие от меня, мой отец не стеснялся оставлять множественные следы. Со сломанными пальцами и даже костями он тоже не заморачивался. Ему нравилось заставлять меня орать, будучи абсолютно уверенным, что бригада медиков, готовая оказать первую помощь, сможет позаботиться и о внутренних повреждениях, когда он закончит проводить со мной воспитательную экзекуцию.

Уолтер коротко кивает:

– Будет сделано, сэр.

Он разворачивается, чтобы уйти, делает шаг на выход, но останавливается, когда я едва слышно добавляю:

– И ещё... – во время короткой задумчивой паузы наблюдаю, как напрягается его спина и плечи, – её ладони – единственное место, где может неожиданно оказаться твой член.

Мне нравится, что с Уолтером никогда не нужно повторять, понятен ли ему приказ.

Когда он поворачивается назад ко мне, ничто не выдаёт его эмоций: мимическая мускулатура лица всё так же безучастна; руки расслаблены и опущены вдоль тела; пальцы абсолютно неподвижны; лишь заметная частая пульсация вен на его шее выдаёт некоторую лёгкую заинтересованность.

– По-видимому, Аддерли реально облажался.

Я чуть сильнее, чем следовало, сжимаю подлокотники кресла, вновь думая о том, как дорого мне обошлась жадность этого засранца. А ещё, как много теперь смогу получить, благодаря последствиям этого его человеческого порока.

– Его дочь всё компенсирует.

Глава 3.2

Ева

Я понятия не имею, где нахожусь.

Единственное, что мне известно, – это то, что я взаперти почти двое суток. Нет ничего, кроме чисел в моей голове, чтобы составить мне компанию. Два окна. Четыре стены. Тридцать два квадратных метра меблированного пространства. Двадцать шесть букв алфавита¹, не произнесенных мной за сорок часов.

А ещё, триста минут прошло с тех пор, как меня касались мужские руки... точнее, кожаный ремень в этих руках.

Я знаю, что меня везли на частном «Суперджете», потом перевозили в чёрном внедорожнике, который добирался сюда два часа тридцать шесть минут. Я помню, что сначала была прикована наручниками к своему сидению в самолёте, затем – привязана кабельными стяжками к автомобильному подголовнику.

Я уверена, что не плакала, когда меня забирали.

А ещё, я знаю, что собираюсь бежать.

Минут за двадцать пять до восхода солнца, я слышу звук шагов с дальнего конца коридора и едва уловимую смену охраны у двери – это Уолтер пришёл за мной.

Я была обессилена. Во второй раз меня накачали какими-то таблетками. Я даже не заметила этого. Но, по всей видимости, это было именно так, иначе как объяснить, что я не почувствовала тяжёлый флёр сандала и корицы, но выблеванная мной еда красноречиво говорила о том, что меня странным образом подвело обоняние; в первый раз меня вырвало от стойкого запаха его парфюма после того, как Уолтер притащил меня сюда после самой первой экзекуции.

Сейчас я снова чувствую этот аромат, и меня начинает мутить от него и воспоминаний о том, что его бесчеловечный обладатель творил со мной накануне.

Рукой зажимаю рот и нос, пытаюсь сдержать желчь, подступающую к горлу.

Не думай об этом! Не сейчас!

Я не позволю себе упустить единственную возможность сбежать из-за проблем с желудком.

Сбрасываю одеяло, кидая быстрый взгляд на пока ещё закрытую дверь; морщусь, так как каждое движение сопровождается усилением боли – футболка прилипла к ранам на спине, и присохшая, будто намертво, ткань теперь отдирается от неё клочками.

Уолтер – он избил меня. Почти безостановочно драл чёртовым вдвое сложенным ремнём.

Когда я спускаю ноги с кровати, у меня такое чувство, будто мой желудок – треснувшее яйцо или что-то в этом роде; сделаешь шаг скорлупа расколется и всё потечёт.

Нашарив рукой одноразовый бритвенный станок под матрасом, куда я его накануне припрятала, стискиваю зубы и поднимаюсь. Конечно, реального вреда он не причинит, но, накрепко зажав его в кулаке, я чувствую себя чуточку увереннее. Я нашла его под пустыми шкафчиками в ванной. Не знаю, как и почему он там оказался, но содрогаюсь при мысли о судьбе другой девушки из этой комнаты.

Но действительно ли я хочу это знать?

В том, что до меня такая здесь была, я не сомневалась. А до неё ещё одна. И ещё. Вероятно, так и было.

ОН привык забирать дочерей у тех, кто его на*бал.

¹ Речь идёт об англо-американском алфавите, основанном на латинском, состоящим из 26 букв.

Мне известно, чем именно занимается Келлан Дагер. Я знала об этом человеке раньше, ещё до подслушанных перешептываний отца. Мужчины из окружения говорили о его побочном, но не менее прибыльном бизнесе, только друг другу на ухо, показывая выразительные жесты – скрещивали руки в районе паха и покачивали бёдрами.

Отец ведь, наверняка, знал, что ОН собирается со мной сделать! И всё равно отдал меня ему!

Сейчас я в заторможенном состоянии. Мои глаза расфокусированы и плохо воспринимают реальность, но гнев, подталкивает меня к действию.

Куда я пойду, когда выберусь? Вернусь к нему? Отбрасываю эту мысль, как невозможную. Когда освобожусь – разберусь.

Как только слышу поворот ключа в двери,двигаюсь к шкафу у входа. Таких поворотов будет два, вот почему у меня есть время спрятаться.

Ванная закрыта, но свет там горит – тонкая мерцающая полоска красноречиво пробивается сквозь щель внизу. Я рассчитываю на то, что Уолтер будет искать меня именно там. И, поскольку вчера он выдрал меня до усрачки, то его раздутое самомнение не даст ему повода думать иначе – я ведь буду послушной девочкой. А вот моя скромная задница считает иначе, поэтому я бесшумно прикрываю за собой боковую створку шкафа.

Я стараюсь дышать в такт его решительным шагам. Они стихают где-то в глубине комнаты, и я замираю, превращаясь в слух на всех возможных и невозможных частотах, потому что разглядеть с подобного ракурса что-либо невозможно.

Несколько секунд он стоит и тоже прислушивается. Затем двигается в сторону ванной. Останавливается напротив двери, а я силюсь приглушить громкий стук собственного сердца.

– Эй, поторопись там.

Тишина длится с минуту. Жду, почти не дыша, накрепко сжимая в похолодевшей ладони пластиковую ручку бритвенного станка. И каждый мускул, каждое сухожилие в моём теле напрягается и связывается в узлы, которые стягивают позвоночник. Я не двигаюсь.

И вот он – долгожданный скрип, когда поворачивается дверная ручка!

Уолтер оказывается в ванной, а я быстро выскакиваю из своего укрытия. Ему понадобится около пары секунд, дабы понять, что меня там нет. А у меня имеется только это рекордное время и единственный шанс, потому что больше он не обманется на мой счёт.

Всё делаю на выдохе.

За дверью замечаю охранника, наверняка с оружием, но он совсем не ожидает моего появления, поэтому расслаблен и его голова повёрнута в другую сторону.

Слышу шаги Уолтера в ванной.

Глубоко вдыхаю.

Затем бегу – проношусь мимо охранника по коридору.

Уже через секунду слышу, как Уолтер выкрикивает моё имя.

Но босые ноги уже несут меня по идеально отполированному полу к широкой лестнице впереди. Солнце ещё не успело взойти, поэтому вокруг сумеречно и прохладно. Тёмные деревянные стеновые панели скрадывают свет, из-за чего коридор кажется длиннее и мрачнее, чем есть.

Слышу звуки преследования: топот и отборные ругательства.

На первом этаже тоже темно. Без цвета, без света, без чего-либо иного, кроме жутких бесплотных теней по углам...

А ещё – никого. В холле перед входной двустворчатой дверью нет охраны.

Сердце безумно грохочет в предчувствии эйфории – ведь у меня вот-вот всё получится!

Дрожащими пальцами поворачиваю пару замков: сначала верхний, потом нижний. И как раз в момент, когда собираюсь дёрнуть ручку и толкнуть тяжёлую дверь, а тело уже звенит от

предвкушения и дрожит, как натянутая струна, ведь у меня получилось, только и осталось, что оказаться за порогом, – звучит электронный сигнал, и она распахивается; но не моей рукой.

Я интуитивно делаю шаг назад, затравлено оборачиваюсь на мужчин, остановившихся в трёх футах за моей спиной, и понимаю, что не успела бы.

Никогда бы, чёрт возьми! Я бы никогда не справилась!

Резко мотнув головой, смотрю на вошедшего. В дверном проёме стоит ОН.

Грудь щемит от безнадёги. Сквозь сжатые зубы я всасываю воздух.

ОН молча окидывает меня цепким взглядом, прежде чем тянется к небольшой сигнализационной панели на внутренней стене. И та пищит, когда он проводит по ней указательным пальцем. Секундный гудок говорит о закрытии входной двери.

Глава 3.3

Я едва успеваю посмотреть ему за спину.

Приватная территория закрыта от посторонних глаз и обнесена высоким забором. Рядом со входом пара охранников, и ещё парочка по периметру ограждения – в ярком свете фонарных столбов очевидно, что все они вооружены точно так же, как и тот, что приставлен к двери моей комнаты.

Могла бы догадаться. Сейчас слишком безрассудной выглядит попытка побега.

ОН прикрывает дверь, запирая её. Рядом щёлкает выключатель и яркий свет бьёт в глаза, я прикрываю их раскрытой ладонью, ни на миг не выпуская его из поля зрения.

ОН одет в свободные серые трикотажные штаны и потемневшую от пота футболку, обтягивающую торс; со спортивным небольшим полотенцем вокруг мощной шеи и с пистолетом в наплечной портупее.

С мокрыми взъерошенными волосами, словно совсем недавно он поливал на них водой; с выступившими капельками пота на лбу, как после длительной аэробной тренировки; с глазами, пронизывающими, неодобряющими, на удивление глубоко-синими, будто насыщенного цвета индиго – ОН был безупречен в порочном дьявольском совершенстве. Высокие скулы, прямой нос, твёрдые, четко очерченные губы, квадратный, решительный, надменно приподнятый подбородок.

Сейчас ОН игнорировал то, что ему говорили в два голоса мужчины за моей спиной, и просто смотрел на меня, словно впитывая моё оцепенение.

Только что с тренировки. ОН, МАТЬ ЕГО, бегал! Был на грёбаной пробежке, пока меня намеревались снова загнать в подвал для новой серии изощрённых издевательств!

Я не сдержалась и выругалась так грязно, что почувствовала во рту и на губах отвратительный вкус мыла, с которым в детстве отец мыл мне рот за подобное.

Как затравленный долгой погоней зверёк, через плечо бросаю на Уолтера осторожный взгляд, а когда он смотрит на меня в ответ, то в его голубых глазах непоколебимое хладнокровие, но вот в расширенных зрачках сквозит кровожадность, и оттуда она пугает ещё больше. Охранник кажется нервным. Его рот открывается, будто он хочет что-то сказать, но тут же закрывается – губы сжимаются добела.

Никто больше не произносит ни слова.

Кроме него. ОН улыбается обезоруживающе, демонстрируя ямочки на щеках, полотенцем стирает пот со лба, промокая им шею, и вкрадчиво уточняет:

– Ты куда-то собралась?

Я сглатываю комок в горле, пытаюсь выдержать его прямой взгляд; моя нервная система перегружена, мысли хаотично носятся в голове, сердце гулко бьёт в грудь, замирает на секунду и опять частит.

Запрещаю себе думать об Уолтере. О том, что он теперь со мной сделает. Всё то, что он творил со мной вчера – сегодня мне покажется лишь детской забавой.

Воспоминания об испытанной боли заставили меня поморщиться. От долгого стояния на твёрдом полу она вонзалась в колени (длинная футболка никак не скрывала синяки на них), но поменять позу, чтобы облегчить своё состояние мне было не позволено. Я стояла на четвереньках, а он порол меня, поддерживая чётко заданный и только ему известный ритм, выделяя сильные доли и акценты надсадными криками, срывавшимися с моих искусанных губ.

Однако, получается, что терять уже нечего. Я и так буду наказана за попытку побега.

В таком случае, можно попробовать сделать так, чтобы оно того стоило.

Покрепче сжимая бритву в руке, отступаю на шаг и в сторону, так, чтобы разом видеть всех присутствующих: моё внимание рикошетит от одного к другому, захватывает десятки кадров, сотни моментов.

– Послушай, не знаю и не желаю знать, в чём виноват мой отец, но я хочу вернуться домой.

Мои щёки теплеют от прилива крови. На удивление, мой голос звучит спокойно и почти не дрожит. Выпрямляю спину практически до хруста, задравши подбородок, рискую посмотреть на Уолтера и, игнорируя его взгляд с прищуром, жестом указываю ему на бритву: мол, ещё побарахтаемся.

Эта напускная бравада – всё, на что я способна, дабы не сжаться в трясущийся комочек:

– Если это поможет, то я могу извиниться за него перед тобой.

Чувствую, как глаза жгут слёзы, и презираю себя за секундное проявление слабости. Невыносимо, что я слишком слаба, чтобы прикончить каждого мужика в этом доме, считающих меня разменной чёртовой куклой, которую можно драть, сколько угодно и кому из них вздумается.

– ...

Вместо слов сглатываю и свожу брови вместе на переносице, поджимаю искусанные припухшие губы.

– Продолжай, – побуждает ОН, и оттенок его синих глаз становится даже более насыщенным, чем прежде, тёмным, предгрозовым, – ведь ты отважилась на все эти неприятности, значит тебе есть, что добавить.

Его вкрадчивый тон ещё более страшный, чем, тот, с которым Уолтер повышает на меня голос. И можно не сомневаться, ОН будет держать меня здесь до самого конца. Не отпустит. Теперь я это уже точно знаю.

– Не позволяй ему...

Имён озвучивать не нужно, как не обязательно и указывать на того, о ком я веду речь.

Колени дрожат, бравада разом сошла на нет:

– Не позволяй ему... причинять мне вред...

По-видимому, в моем голосе появились умоляющие нотки, потому что сильнее натянулась кожа на его скулах, да хищно дёрнулся желвак, будто всё это уже не просто раздражало, а порядком его бесило.

Сама не знаю, почему я решила просить его. Не осознаю, с чего вдруг считаю его лучше Уолтера, ведь прекрасно понимаю, что он в курсе всех действий последнего. Весь этот ужас происходит с его согласия и по его приказу. Но не могу удержаться, чтобы не попросить снова.

– Пожалуйста... – произношу на одном дыхании, столкнувшись с ним взглядами, – пожалуйста, просто позволь мне остаться в своей комнате.

Считаю секунды его молчания, и каждая прошедшая увеличивает мою надежду; мне кажется, будто ОН действительно обдумывает мою просьбу.

Один резкий вздох, и я возвращаюсь к шокирующей реальности.

– Не смей допускать повторения подобного, или я займусь тобой сам.

Сказано не мне, потому, что вижу, как нервно дёрнулся кадык Уолтера.

Он воспринимает это как разрешение и теперь смотрит так, словно готов разорвать меня голыми руками.

В страхе пячусь назад до тех пор, пока не упираюсь спиной в прохладную стену.

Защищаюсь, размахивая пластиковой бритвой: раз за разом, резко и быстро, наотмашь и во все стороны.

– Не подходи, – ору до хрипоты Уолтеру, пока ОН бесстрастно наблюдает. – Не прикасайся! Не трогай меня, чёрт возьми! Клянусь, я когда-нибудь отрежу тебе яйца!

Я могу лгать, но это не его собачье дело.

На мои угрозы Уолтер лишь фыркает, и этот звук отдается эхом в мёртвом воздухе, а потом он легко меня «обезоруживает», затыкает мне рот одной рукой, а другой хватает за волосы и тащит прочь от входной двери к лестнице, ведущей в подвал.

Удушливый аромат сандала и корицы тут же застревает в носоглотке. Меня сейчас вырвет.

Соппротивляюсь, кусаюсь, брыкаюсь и извиваюсь, силясь вырваться из захвата. Но, как только мы оказываемся подальше, его напряжённая ладонь оставляет мой рот в покое и перемещается на моё горло, сжимая его с обеих сторон. Я ощущаю острый недостаток кислорода и силюсь сделать вдох. Безрезультатно.

Единственная мысль на задворках сознания: «Сейчас сдохну!».

Единственный и теперь знакомый голос вдогонку: «Увидимся позже, Ева».

Глава 4

Ева

В ту ночь меня опять накачали таблетками.

Не знаю, что они мне дают, но препарат оказывается очень действенным. Я в медикаментозном морозе, что в нём, – так сразу и не поймёшь, но боли нет; я чувствую себя спокойнее и даже счастливее.

Пахнет дождём.

В комнате стоит тяжелый запах мокрой земли и сырых листьев. Я лежу в постели, на боку, подтянув к себе колени. Спина к окну, но отчего-то точно знаю, что оно открыто. Оставаясь с закрытыми глазами, делаю глубокий вдох. И ещё один. Медленно втягиваю трепещущими ноздрями влажный воздух, плотно сжав зубы. С тихим стоном поворачиваюсь, чтобы уткнуться носом в подушку.

ОН сдержал обещание.

Подходит так бесшумно, что я вздрагиваю от первого прикосновения.

Его шепот бессловесен.

Руки, нежно касаясь, скользят по моей спине и прикладывают что-то тёплое и пощипывающее к тем частям моего тела, на которых есть ссадины.

Осторожно дует. И даже этот слабый поток воздуха начинает охлаждать кожу, что создает лёгкий обезболивающий эффект.

Ласков со мной. Целует моё лицо: лоб, нос, щёки, скулы; невесомо, едва касаясь. И я, находясь под фармацевтическим наваждением, практически забываю, что именно ОН это сотворил. Так же, как и Уолтер – это его рук дело.

Кажется, что если сейчас одними губами скажет всего одно слово «каюсь», то я оправдаю его. Сама найду для него тысячи объяснений, доводов и аргументов, чтобы ещё раз услышать этот завораживающий дьявольский шёпот прямо в ухо: звук-дыхание, звук-фантазёр.

– Не осложняй ситуацию еще больше, чем есть, малышка. Если будешь делать то, что велют – больно уже не будет. Могу обещать тебе это.

ОН нежно гладит меня по спине, пока я не засыпаю... что вовсе нетрудно, учитывая пограничное состояние моего измученного организма...

Но я изо всех сил стараюсь помнить, что каждая ссадина и ушиб на моем теле – дело его рук, какими бы ласковыми они сегодня не были.

ОН

Секрет разрушения личности не имеет ничего общего с насилием. Разумеется, применение силы необходимо и в воспитательных целях оно имеет место быть, но принуждение и физическое давление порождает обиду. Что, в свою очередь, приводит к непослушанию. А вот его вообще невозможно терпеть.

Не в моей профессиональной сфере деятельности.

Ева Аддерли – само воплощение неповиновения.

Однако, жестокость – не способ устранения подобного значительного изъяна.

Моё искусство заключается отнюдь не в избиении. В этом большой мастер – Уолтер. А я, скорее, не люблю это делать, чем не умею.

Отец никогда не учил меня НЕ БИТЬ женщин. Совсем наоборот. Он был страстным любителем физического абьюза и подходил к этому нехитрому делу со всей серьёзностью. Перед глазами всегда стоял пример матери, которую он неоднократно избивал в моём присутствии, лично или же поручал это своим людям, предпочитая наблюдать со стороны; я видел, как некоторые из них невольно кривились, в то время, как наотмашь били её по лицу.

Тогда я узнал, что не всем мужчинам по душе насилие над женщинами.

Вернее, они предпочитают говорить о том, что не приемлют избиение женщин. А потом делают это тайно.

На пустой улице, в магазине или метро, озираясь, когда никто не смотрит – сильным тычком под рёбра. Но чаще дома за закрытыми наглухо дверьми, обмотав мокрое полотенце вокруг костяшек пальцев, ломают носы и скулы своим жёнам и любовницам. После изображают из себя цивилизованных людей, тщательно и законопослушно следующих существующей системе общепринятых норм поведения и правил.

Я этому тоже научился. Но предпочитал применять другую тактику.

Из всех сил старался держаться дружелюбно с малышкой Аддерли. До чрезмерности. Поскольку это для меня вовсе нехарактерно. Когда привёз её в свой дом, сам проводил и показал ей комнату, смежную ванную, телевизор и шкаф с достаточным количеством белья и одежды; сам раздел её, сам вымыл. Она была под действием транквилизирующего средства, поэтому вряд ли вспомнит об этом, как и о том, что обращалась ко мне тогда, используя только матерные слова.

Я не повысил голос.

Ни единого грубого слова не произнес, когда она набросилась на меня.

Несмотря на то, что я желал избить её до потери сознания. Сдержался. Пальцем не пошевелил.

Даже когда разрыдалась.

Нет. Я не тронул её.

Мой секрет прост – я предоставил Уолтеру выполнить за меня всю грязную работу.

Я никогда не испытывал особого удовольствия от обучения рабынь. Неблагодарное это ремесло – ломать человека, будь то мужчина или женщина. Я предпочитал торговать послушным товаром, нежели быть тем, кто принуждает их к дисциплине.

Это как дрессировка собак.

В ответ они огрызаются, кусаются и дерутся, вопят и плюются в тебя, проклиная последними словами.

А Уолтер – идеальный дрессировщик покорных рабов. Он выполняет тяжелейшую работу, и я хорошо за это ему плачу.

Для воспитания образцового секс-раба одной недели мало. Даже двух не хватит. Но некоторые покупатели специально просят не доводить «товар» до совершенства, предпочитая воздействовать и ломать их своими силами и методами.

В случае с малышкой Аддерли, мне была необходима безоговорочная покорность. Кроткая. Молчаливая. Смирная. Так пожелал её новый хозяин.

И Уолтер трудился над этим «не покладая рук». Как бы жутко это ни звучало, в реальности – было ещё хуже.

У него получилось. Несколько «сеансов» с ним хватило на то, чтобы она, рыдая, звала меня по ночам, бессознательно выкрикивая моё имя.

Так что же самое дьявольское в манипулировании будущей рабыней?

Девушкой, личность которой хочешь разрушить до основания?

Всё просто – каждая из них станет видеть в тебе великодушного благодетеля, когда будет уверена, что чудовище вовсе не ты.

До тех пор, пока держишься ниже критического уровня боли, причиненной им в течение дня (в данном случае, Уолтером), тебе практически всё сойдёт с рук. И они будут молить о твоём появлении, с надеждой ждать, что ты придёшь и избавишь их от страданий.

Совсем скоро его работа будет выполнена, и он вернётся в Колумбию по делам картели. Интересно, будет ли малышка Аддерли так же плакать по мне без его умеренного, но регулярного физического воздействия. Не уверен, но проживем – увидим.

Хочу ли я позабавиться с ней? Вероятно. У меня будет на это несколько недель, пока я довожу «товар» до совершенства; в то время, как её новый хозяин терпеливо ждёт в предвкушении; а её отец надеется, что сможет успеть закрыть вопрос деньгами, поэтому суетливо ищет их.

Только они мне нах*р не нужны. Не теперь.

Остались считанные недели. Я отдам малышку Аддерли покупателю и верну, наконец, своё.

Глава 4.2

Ева

Чувствую, как ОН ведёт пальцем по моей спине. Медленно. Отсчитывая позвонки. Едва касаясь, скорее дразня. Между тем, даже скупая ласка после очередного прожитого дня лечит покалеченную душу.

Пусть ещё не верится, пусть страх ещё леденит кровь, сжимает внутренности, а сердце – стонет и болит, и будто просит о помощи, словно молит его: помоги!

Двадцать часов – озноб, издевательства и пытки. И только двести сорок минут на возможность забыться. Это не передышка, а всего лишь один из воспитательных этапов, после которого всё начнётся сначала.

Вот его палец достигает верхнего края пижамных шорт, замирает, и на секунду я задерживаю дыхание.

Надеюсь...

На что?

Молюсь...

О чём?

Хочу, чтобы всё зашло дальше... чтобы ОН подцепил резинку моих шорт и проник-про-вёл-скользнул... Чёрт! Пусть выберет из этих действий любое! И коснётся меня... там.

Хочу. Отчаянно.

Разве не догадывается? Неужели не знает, что ночью я жду не только его бесшумных шагов по паркету? Не одних лишь спасительных объятий после тяжелейшего адского дня!

Спина продолжает болеть. Запястья по-прежнему ноют. Ладони горят и зудят после того безумия, с которым я тёрла их мылом, чтобы содрать вместе с кожей тошнотворные ощущения, оставленные членом Уолтера, побывавшем в них.

Не позволяю себе думать об этом. Иначе снова сорвусь в ванную, чтобы опять вымыть руки.

Таблетки дарят облегчение.

В еде, что дают мне, наверняка, что-то есть. Иначе, зачем женщине, которая работает в этом доме, следить за тем, чтобы я доедала всё до последнего кусочка?

После ужина голова тяжелеет, сознание притупляется. И тогда оставшиеся крохи разума, те, что каким-то чудом за день не выжгла боль, перестают сопротивляться желанию, которое навязано легчайшими возбуждающими прикосновениями.

Разрешаю никому меня не жалеть, и сама себя не жалею, потому что да, я позволяю Келлану Дагеру меня касаться.

Если выбирать из двух зол, то, по крайней мере, пусть на моём теле буду его руки, чем Уолтера.

На мгновение его указательный палец замирает, словно ОН раздумывает, стоит ли ему зайти дальше. Однако, нет, если она и была, то внутренняя борьба с самим собой закончилась; и его палец, поочередно обведя ямочки на моей пояснице, вновь заскользил, только теперь уже вверх по позвоночнику; следом за ним потянулись мурашки.

От чувственности.

От интимности.

От раздражения.

Из-за понимания того, что он ничего не сделает. Как этой ночью, так и следующей. И я догадываюсь почему.

Понимаю, что он задумал. Осознаю в полной мере, что, невзирая на волнующие прикосновения и его нежную заботу ночью, ОН манипулирует мной. Но мне это уже безразлично.

После того, как Уолтер перешёл от хорошей порки к другим безнравственным «делам»; не насиловал, но заставил меня дотрагиваться; сомкнул мои пальцы вокруг своего члена и начал онанировать моей рукой.

Не хочу, но помню это ощущение у себя в ладонях – как кожа ходит туда-сюда. Преперзкое.

Я думала, что готова к подобному. Единственная жизнь, которую я знаю, со всеми её извращёнными сторонами – та, что мне дал отец. Казалось, его чёрствость, жестокие воспитательные меры и бесчеловечное окружение, должны были сделать меня сильнее. Но этого не случилось.

Я не подготовлена. Не собрана. Я ненавижу собственную слабость.

А ещё я недостаточно опытна, чтобы манипулировать Келланом Дагером так, как он мной. Но я попытаюсь.

Заставлю себя быть послушной.

Тихой.

Молчаливой.

Покорной.

Я ещё не сдалась и собираюсь выбраться отсюда.

Губы сами растягиваются в широченную улыбку, но я прячу её в подушку.

Интересно, ОН, так же как я, осознаёт, что когда у меня всё получится, то вероятность ситуационного секса со мной сведётся к его собственной мастурбации; даже смешно об этом подумать. Он обязан понимать, что если хочет меня, то брать надо сейчас.

Поскольку однажды меня здесь не будет.

И что тогда он будет делать?

Возможно, кто-то заменит меня.

Может, другая девушка начнёт желать его прикосновений также, как я сейчас.

Кусаю губу. До боли. Чтобы отвлечься. Сейчас мне действительно не хочется думать об этом.

В этот момент его руки добрались до моих плеч, и ОН принялся разминать их.

С моих губ сорвался благодарный скрежет.

Надавил чуть сильнее, и я застонала громче. ОН тихо рассмеялся, едва я расслабилась под его сильными руками, гулявшими теперь по моим лопаткам.

Пальцы с нажимом спустились к пояснице, и я громко выдохнула, когда ноющая боль отступила.

Но ОН не всегда так ласков.

И я хорошо усвоила, что борьба с ним – напрасная трата сил и времени.

Моё неповиновение всегда заканчивается одинаково – лицом в подушку; а в промежность упирается твердая эрекция, когда он всем своим весом наваливается сверху.

Но на этом останавливается. Всегда.

Ненавижу его за это.

Бесит то, как его руки тянутся к моей шее и болезненно сжимают её сильными пальцами, сдавливают, чтобы не извивалась.

Как же сильно ненавижу злое рваное дыхание, что шевелит волосы на моём затылке, в то время, как я, задыхаясь, приоткрываю рот.

И вот когда легкие разрывает от нехватки кислорода, а его пальцы сжимаются почти до хруста моих позвонков, он наклоняется ближе к моему уху и шепчет:

– Усвой, малышка, всё, в чём ты нуждаешься – даю тебе я. И забрать могу я.

Затем хватка на горле слабеет, и он позволяет мне отдышаться.

Резко перекачивается вместе со мной на спину, в момент разворачивая и укладывая меня на себя. К себе лицом.

Всхлипываю, скорее, от неожиданности.

ОН тут же впивается в мои губы. Страстно. Голодно. Полностью подчиняя своей воле. До головокружения и привкуса крови. Наши зубы лязгают друг о друга. Его ладони не отпускают мой затылок.

ОН не целует – терзает мой рот, трахая его языком до горла; кусает губы, слизывает стоны.

Контрастами просто размазывает.

Отстраняется, за волосы оттягивая мою голову назад.

Глотаем выдохи друг друга – лбом ко лбу.

– Неужели с ним все точно так же? – сморит в глаза и будто изнутри прощупывает. – Когда Уолтер к тебе прикасается, ты хочешь его так же, как меня?

Но я не слышу. Не хочу слышать.

Пульс частит.

Раздвигаю ноги, чтобы только ОН оказался между ними. Любая его часть. Просто жажду большего, но готова принять от него даже малость.

Хочется ближе.

Теснее.

Вжаться.

Втереться.

Хочется так близко.

Чтобы совсем вплотную.

Рука всё ещё удерживает меня за затылок, в нескольких дюймах от его губ. ОН касается их дыханием.

– Глупышка, мне не нужно твое тело. Его каждый поймееет. Сосредоточься, малышка Аддерли, я хочу вы*бать твой мозг.

Келлан Дагер пока ещё не знает, что даже сквозь медикаментозный морок, я абсолютно сознаю тот факт, что мой разум уже давно про*бан.

Что вовсе не его заслуга. Девственность головного мозга я потеряла ещё в раннем детстве.

Глава 5

Ева

Уолтер не изменяет своим правилам, и, минут за двадцать пять до восхода солнца, я слышу его размашистые шаги с дальнего конца коридора.

Так продолжается уже семь дней, и этот не станет исключением.

Ему и идти пятнадцать метров ...

Пришло время принимать душ.

Я молчу. Я не шевелюсь. Я не дышу.

Может, если я не буду двигаться, то он меня не заметит? Эта глупость почему-то не кажется мне невозможной. Я смею верить.

Дверь комнаты – это мой единственный путь к спасению. Я сосредоточена на этом деревянном полотне с резными узорами между мной и свободой. Хочу раздробить её в щепки. Но я усвоила урок на собственном горьком опыте. Бегство невозможно. Готова ли я переходить к следующему, если насколько хорошо запомнила предыдущий?

После пережитой боли пока никаких экспериментов.

Окна тоже имеются – большие квадраты с выходом на крышу второго этажа и открытым видом без угрюмых решеток, но отчего-то эта предоставленная свобода выбора кажется мне ещё большей ловушкой.

– Подъём!

Окрик Уолтера разрывает тишину комнаты. Пронзительный щелчок – и помещение озаряется вспышкой тёплого электрического света.

Я собираю всё своё мужество и выбираюсь из кровати. Каждое утро одно и то же.

Впрочем, ночь тоже не исключение. Я выключаю свет и заползаю в постель. Закрываю глаза. Прекрасно понимаю, что за двадцать пять минут до восхода солнца этот ад начнётся снова.

Ад несбывшихся надежд.

Ад непройденных расстояний.

Ад полушага и проходящего времени.

Ад следов от ремня.

Одурманенная. Полусонная. Я бессознательно поскуливаю.

Нет, не от боли. Я всасываю воздух сквозь стиснутые зубы и жду, когда она пройдёт. Я привыкшая. Отец собственноручно выработал у меня к ней иммунитет. Если можно сказать, вбил жизнестойкость. Поэтому, фиолетовые ссадины на моём теле хоть и выглядят ужасно – они почти не приносят физического беспокойства.

Без слов. Без сути. Тихонько подвываю от безысходности. И приходит ОН.

Всегда ложится на кровать, притягивает меня ближе и заключает в объятия.

Его злит любое неповиновение и женские слёзы. ОН не приемлет их ни в каком виде. Даже невольных. Даже инстинктивных. В том числе тонких психологических манипуляций плачем.

Келлан Дагер изощрённее самого дьявола, потому что вынуждает моё тело откликаться. Заставляет меня чувствовать. Желать. И делает это не всегда приятными способами. Его руки временами совсем не ласковы, но меня это не волнует, поскольку его прикосновения лучше тех других, что я получу за день.

Ноги сами торопливо несут меня в ванную, чтобы Уолтер видел – я выполняю его приказ.

Как только он заходит в комнату, с ним вместе появляется и тошнотворный запах сандала с корицей, но теперь я могу его выносить. Меня больше не тошнит от его парфюма, как в

первые дни. Впрочем, это не приносит облегчения. Когда я прохожу мимо, мой желудок по-прежнему ухает вниз и там привычно сжимается в комок.

Хорошо помню ту ночь, когда неожиданно чувствую себя чуточку лучше, убаюканная пьянящим мужским ароматом, очень напоминающим лёгкий океанский бриз. Он удивительным образом оказывается редким для меня удовольствием и перекрывает удушливый древесный. Но с каждым новым утром он ускользает, едва я засыпаю, – схожу с ума от моих безумных попыток поймать его, удержать, вернуть.

Иногда мне хочется не спать вовсе. Кажется, что если я буду очень, очень спокойной, если не буду двигаться совсем, то всё изменится.

Интересно, если я не сдвинусь ни на дюйм, ОН всё равно уйдет?

Дыши, приказываю себе.

Уолтер смотрит в окно.

Дыши.

– Ванная, – командует он, скрестив руки на груди.

Дыши.

Высокий, стройный, русоволосый, с цепким взглядом светло-голубых глаз, он ненамного старше меня; в неизменном деловом тёмно-сером брючном костюме в голубую полоску, пиджак который он всегда снимает и вешает на спинку стула, а рукава кипенно-белой рубашки медленно закатывает до локтя, перед тем, как взяться за воспитательный ремень.

Кто его научил быть жестоким?

Содрогаюсь, вспоминая, как он наказал меня за попытку побега. Доходчиво.

Скидываю майку и пижамные шорты. Мои движения механические.

У меня есть лишь восемь минут на то, чтобы сходить в туалет и уединиться в душе. В восемь ноль одну – зайдёт Уолтер и вытащит меня оттуда за волосы.

Смотрю на себя в большое зеркало над раковиной, когда чищу зубы: на осунувшемся бледном лице выделяются большие серые глаза и тёмные круги под ними; я похудела; на рёбрах следы побоев – сине-фиолетовые жуткие кровоподтёки; на спину я даже смотреть не хочу, главное, что до мяса не разодрана, но ссадины... они по-прежнему там.

Одна неделя.

Всего лишь семь дней, и я едва узнаю себя.

Не теряя времени, забираюсь в душ. Здесь три стены из серого мрамора и одна стеклянная дверца. Включаю воду на полную мощность и настраиваю струю. Я должна поторопиться.

Я много раз это делала и запомнила наиболее эффективные и быстрые методы мытья, ополаскивания и дозировки мыла для тела и волос. Триста секунд, потом выхожу и заворачиваюсь в полотенце.

– Давай быстрее! Не заставляй меня заходить за тобой.

От резко прозвучавшего голоса прямо у двери, я вздрагиваю всем телом.

Глотая собственный страх, покидаю ванную. Если не поторопиться, то будет гораздо больше.

Глава 5.2

Переступив порог комнаты, обнаруживаю Уолтера стоящим у кровати. Останавливаюсь, глядя на его прямую спину в искусно сшитом пиджаке, – приталенный, он идеально облегает мужскую фигуру, подчёркивая ширину плеч и форму бицепса.

Не успеваю опустить взгляд в пол, когда он поворачивается. Я осознаю, что поплачусь за свою нерасторопность, и даже примерно понимаю, какое меня ждет наказание за эту вольность. Пока он рассматривает меня, своими светло-голубыми глазами, которые кажутся в этом освещении совсем тёмными, я поспешно исправляю ситуацию – и теперь смотрю вниз, вцепившись пальцами босых ног в толстый ворс ковра так, будто меня пытаются утащить черти.

Даже когда он подходит совсем близко и останавливается рядом, я всё равно стою смирно и прожигаю взглядом пол, больше не поднимая головы.

– Займись. Делом.

Такое чёткое выделение слов обычно ничего хорошего не сулит.

Я быстро скидываю с себя полотенце и надеваю свежую майку и шорты. В шкафу несколько вещей, но выбора одежды у меня нет. Ежедневно, когда выхожу из ванной, Уолтер раскладывает их на кровати.

Надеясь, что он не смотрит, лишь мельком я бросаю на него беглый взгляд и сразу же отвожу глаза. Он замечает.

В ту же секунду хлесткая пощёчина обжигает щёку, заставляя голову дёрнуться. Больно. Но терпимо.

Мне не в новинку дрожать перед отцом, бояться слово сказать и получать побои. Взрослея в доме, как мой, быстро учишься распознавать настроение жестоких мужчин. Я настолько подготовлена к физическим страданиям, что действительность лишь на самую малость хуже ожиданий.

Тем не менее, к этому ощущению невозможно привыкнуть. Боль остается болью.

Сжимаю челюсть, ощущая во рту металлический привкус крови.

– Никакого. Зрительного. Контакта. Усвоила?

Я быстро учусь, и в первый же день, как только мы начали, поняла, что вопросы Уолтера – это уловки.

Сглотнув кровь во рту, однократно киваю, не поднимая взгляда. Если заговорю, он снова меня ударит.

Я не хочу этого. А он – хочет.

Мне не нужно смотреть на него, чтобы знать, что в этот момент он, – с агрессивным выражением лица и оскалом вместо улыбки – ждёт, что я вот-вот облажаюсь.

Закрываю глаза, сжимаю руки в кулаки, стискиваю их изо всех сил. Чувствую, как дрожат разбитые губы.

– На колени, – произносит Уолтер тихо и невозмутимо, практически вежливо. Ну да.

Я-то понимаю, что в этом его тоне и скрыт вызов. Если он когда-нибудь решит замолить грехи, то у него жизни не хватит.

Кому, как ни мне знать, что Уолтер наслаждается неповиновением. В отличии, кстати, от самого Дагера, которого оно приводит в бешенство.

Чувствуете разницу?

Первый из них хочет моего сопротивления, дабы снова наказать. Он ищет любой повод, чтобы причинить мне боль. Второму же – просто нужно видеть меня на коленях. Хотя, общее у них всё-таки есть – они оба чудовища.

Комфорт, удобство и красота интерьера вокруг настолько запятнаны, что я не могу на это смотреть: грязные деньги каплют со стен, годовой запас пищи тратится на мраморные полы,

сотни тысяч долларов медицинской помощи выливаются в антикварную мебель и шёлковые ковры.

Я не могу двигаться.

Я не могу дышать.

Сколько людей, должно быть, умерли, чтобы поддерживать эту роскошь?

Боль проглатываю вместе со слезами. Мои суставы начинают сгибаться в синхронности с ударами сердца, и я медленно, но всё же опускаюсь вниз. Прямо на пол.

Реальность дает мне вторую пощёчину. Я должна продолжать. Должна быть послушной.

Отец явится за мной, дабы сохранить лицо. Не из любви или чувства долга, а лишь потому, что продажа его дочери – серьёзный удар по репутации.

Он соберёт деньги и оплатит долг. Если не сделает это сам, то за мной придёт Томас.

Кто-нибудь, чёрт их подери, обязательно вытащит меня отсюда!

Не отрываясь, смотрю в пол, когда Уолтер присаживается передо мной на корточки. Чувствую, как нечто грубое обвивает шею. Не слишком туго, если бы я хотела глубоко вздохнуть, то расстояния от крепкого ошейника до моей кожи вполне хватило бы. Однако, дышу, скорее поверхностно, не пытаюсь испытать на себе его удушливую прочность.

Уолтер проверяет надёжность крепления, пристёгивает короткий поводок и поднимается на ноги, делая шаг к двери, зная, что я ползу следом на четвереньках.

Вчера мы уже практиковались с этой его новой забавой.

Если в первый день я пыталась упрасивать. Умолять. Плакать. Кричать. Во второй – сбежать. То в третий и последующие, когда тело оцепенело от побоев, горло иссохло от жажды, губы потрескались и кровоточили, я прекратила тупить и подчинилась. Нет, даже не Уолтеру или Дагеру, а собственному неистовому желанию выжить.

Тем не менее, в тот момент, когда я проползаю на четвереньках мимо охранника у дверей и вижу лишь безупречно отполированные мысы его ботинок, у меня всё равно возникает практически непреодолимый порыв остановиться, прижаться к его ногам и умолять помочь мне. Позвать Дагера.

Зачем?

В этом доме нет секретов. Ему не нужно самому выбивать из меня покорность. ОН поручает другим делать эту работу за него.

Моя челюсть настолько сильно сжата, что начинают болеть зубы.

НЕ ПРИКАСАЙСЯ КО МНЕ... НЕ СМЕЙ ПРИКАСАТЬСЯ КО МНЕ!

Я хочу кричать, осуждаю и ненавижу его, но ночами позволяю ему утешать меня. Возможно, дело в таблетках. Или в том, как сильно я истощена. Наверное, и то, и другое. Но есть и иная причина, ещё более ужасная, чем первые две: кажется, за все мои восемнадцать лет жизни, руки Келлана Дагера – самые нежные из всех тех, что когда-либо до меня дотрагивались.

Глава 6

ОН

Именно в тот момент, когда мои ладони обхватывают горло Паулы, и я, расположив большой палец на её гортани, ощущаю, как она тяжело сглатывает, – отчётливо слышу, как малышка Аддерли шаркает на четвереньках.

Мимо моей комнаты.

Мне отлично знаком подобный звук. Глухой. Однообразный. От которого волосы на руках встают дыбом.

Казалось, я давно его забыл...

Именно так обязаны были передвигаться рабыни в доме, где я рос. Отняв дурной бизнес отца, я не перенял этот его особый подход к унижению человеческого достоинства; нет, я не был этому ярим противником, и в то же время видел его недостатки. Мой собственный способ помогал достигать поставленных задач гораздо быстрее.

Почему Уолтер вдруг решил поменять свой подход – вообще изменить свои действия и одеть собачий ошейник именно на малышку Аддерли, я не понимал.

Вот уже несколько дней она послушна. До приторности. Именно так, как мне нравится.

Разве разумно с его стороны подходить к проблеме столь радикально?!

Многочисленные ссадины и гематомы на её теле только-только начали сходить. На протяжении всей недели её колени были иссиня-чёрные – превратившиеся в один сплошной синяк... как она вообще может передвигаться подобным способом?!

Уже не впервые, за время её пребывания в моём доме, мне приходилось вынуждать себя вернуться к реальности. Я прямо-таки с мясом воспоминаний вырывал сознание из мерзкого и липкого прошлого, заставляя себя не думать о сестре.

Возвращаю сосредоточенность и смотрю прямо в глаза Паулы, наблюдая, как она борется с паникой от невозможности дышать. Разжимаю пальцы на её горле – всё это время моя рука перекрывала ей воздух. Тем не менее, она послушно не отводит своего взгляда. Ни разу.

Развожу ноги шире и накрываю её затылок ладонью, рывком прижимая к паху – насаживая ртом на стояк. Сразу задав правильный темп, вколачиваюсь в плотное кольцо припухших губ. До хрипа. До постыдного женского скулежа. С нажимом.

Рвано выдыхаю и прикрываю глаза.

Девчонка Аддерли снова будто в голову залезла; в ней просто не остаётся никаких посторонних мыслей – одна рефреном – прямая, как линия – мне дико, до воя хочется в её рот.

Этим странным осознанием припечатывает и сердце лупит под кадыком.

Ту, что передо мной на коленях, я вижу насквозь и на три метра вглубь, а другую – никак не могу; только представляю, как она запрокидывает голову, глядя на меня снизу-вверх, облизывая взглядом своих больших серых глаз с пляшущими выпускной вальс чертами на дне расширенных радужек.

Сжав волосы на затылке Паулы, рву её голову на себя, толкаясь членом в горло. Кончаю. И ослабляю хватку.

Она задыхается, но пытается максимально продлить мой оргазм; обхватывает ствол ладонью, мажет по нему губами, скользит кольцом пальцев и, зажимая головку в кулаке, посасывает с влажным звуком – совершенно по-бл*дски.

Паула не рабыня. Всего-навсего любовница одного из моих уважаемых партнёров по бизнесу. Девушка, которой я пользуюсь втайне от него. Впрочем, не без её на то согласия.

Она в последний раз засасывает головку в рот и медленно выпускает, позволяя члену выскользнуть. Облизывает губы от спермы и, не поднимая на меня взгляд, кладёт ладони на обнаженные бедра, а ноги подгибает под себя.

Ждёт.

Провожу большим пальцем по её распухшей нижней губе, даря единственную скупую ласку. Стискиваю зубы сильнее, чувствуя, как она поддаётся щекой к моей руке, притираясь и прижимаясь, но, чётко и сразу улавливая мои настроения, возвращается на исходную.

Она знает, что мне нравится... абсолютное повиновение.

– Умница. Придёшь в следующий раз.

Она всегда ждёт этих слов. Только их. Потому, что знает, если хоть раз не произнесу – мы больше не увидимся.

Я позволяю Пауле уйти. Сам иду в душ, быстро смывая с себя запах секса и ощущения прикосновений её рук.

Одеваюсь, надевая брюки, натягивая на чуть влажные плечи рубашку и неизменно наплечную портупею с пистолетом. Пиджак просто прихватываю с собой – сегодня мне предстоит парочка официальных встреч.

Но сначала я хочу понаблюдать за Уолтером и малышкой Аддерли, дабы понять, как много работы ещё предстоит проделать с ней в последние несколько недель.

Наивная. Она надеется, что папаша найдёт деньги и заберёт её; а может, на то, что сгруппит братец и попытается забрать её у меня из рук.

Вот только я знаю, что это им не поможет.

Даже если младший Аддерли посмеет – получит дыру во лбу, а сам Бенни никогда не сможет предложить мне то, что уже пообещал покупатель его дочери.

Не всё в жизни можно оценивать деньгами – есть вещи куда поценнее и поважнее их.

Киваю Оскару, проходя мимо него, и спускаюсь в подвал.

Она не плачет. Это первое, на что я обращаю внимание, подходя к двери.

Не слышно раздражённого голоса Уолтера и ударов ремня в свисте. Тихо. Смею предположить, что малышка Аддерли ведёт себя подобающе, и губы сами собой складываются в довольную улыбку.

Тем не менее, знать о себе не даю.

В комнату не вхожу, предпочитая остаться в тени и понаблюдать за ними.

Прийти за тем, чтоб своим появлением нарушить воспитательный процесс – не моя цель. Я не хочу, чтобы она решила, что я здесь ради того, чтобы спасти её, и допустила оплошность; он непременно этим воспользуется.

Отполированные до блеска полы из твердой древесины сверкают даже в лучах приглушенного света над столом – единственным здесь предметом мебели.

Ни Уолтер, ни малышка Аддерли не подозревают, что я тут.

Глава 6.2

Приваливаюсь к стене и прислушиваюсь к звукам внутри комнаты, пытаюсь понять, как скоро они закончат.

Если она заплачет, то я буду вынужден уйти. Ненавижу рыдания.

Некоторых мужчин это возбуждает, и я даже понимаю почему. Осознание факта, что ты управляешь чужими эмоциями и контролируешь женские слёзы, а, иногда, чью-то жизнь... это абсолютное удовольствие. Пьянящее. Словно летишь вниз на огромной скорости в костюме вингсют², когда ноги твердо стоят на земле, а под пальцами – сильная пульсация шейных вен на девичьем горле. Не считаю подобные вещи чем-то из ряда вон, но лично мне они не нравятся.

Я вообще не переношу громкие звуки – всхлипывания, стенания, сопли. Особенно крики. Они лишь многократно усиливают желание навредить ещё больше.

Иногда я задумываюсь: отец или сестра, кому из них я больше обязан своей зависимостью к тишине?

Она была молчалива. С самого детства мать таскала её по лучшим врачам пытаюсь доказать, что её дочь не имеет никаких физических или психических отклонений и не страдает от этого. Просто она немного странная.

Я же наслаждался её обществом гораздо больше, нежели чьим-то другим. Она умела красиво молчать. В её молчании было так много...

Взгляд. Поворот головы. Полуулыбка.

Что-то ещё...

Почти неуловимое. Едва заметное...

Она казалась покорной...

Мёртвой хваткой силюсь удержать в памяти её лицо и имя – Оливия. Боюсь, что с годами это уйдёт, потеряется, сотрётся безвозвратно, останется сновидением, которое я буду вспоминать лишь изредка, если вообще смогу вспомнить. Словно она была когда-то – и нет. Время, сука, уносит всё, ускользая от моих безумных попыток поймать и вернуть...

Однако, мне ли не знать, что имелась ещё одна, не менее веская причина полюбить даже не тишину, а безмолвие.

Начиная лет с семи, отец вплотную занялся моим воспитанием и, когда я плакал, всякий раз он брался за нож, чтобы сделать неглубокую, но памятную зарубку на моих рёбрах. Таких шрамов по обеим сторонам осталась дюжина. Да, потребовалось двенадцать раз, чтобы я, наконец, усвоил – плач не средство достижения цели.

А ещё в детстве я научился бесшумно передвигаться. Пришлось. Оказалось, что оставаться незаметным порой – вообще лучший способ действий. Не выдавая своего присутствия, можно заметить неподдельные чужие эмоции и такие детали, которые, в противном случае, не увидишь; когда знаешь, что за тобой наблюдают, ведёшь себя иначе.

Прямо – здесь и сейчас все маски сброшены.

Разумеется, только не у малышки Аддерли. Её это не касается. Ведь она вжилась в роль и прилежно её исполняет, чтобы выжить. Вот только не понимает, что в конечном итоге, она уже не сможет сбросить свою маску, поскольку та буквально припаяется к её лицу. Послушный сабмиссив, исполняющий роль, и сломленный раб очень быстро становятся единым целым.

² Вингсют (англ. wingsuit «костюм-крыло» от wing «крыло» + suit «костюм») – специальный костюм-крыло, конструкция которого позволяет набегающим потоком воздуха наполнять крылья между ногами, руками и телом пилота, создавая тем самым аэродинамический профиль.

Наблюдаю, как она сидит подогнув под себя ноги и положив руки на бедра. Её тёмные волосы прихвачены резинкой в низкий хвост, поэтому мне отчётливо виден точёный профиль лица. Девочка смотрит в пол. Как и должна. В неизменной белой майке и пижамных коротких шортах – надо бы переспроситься у Уолтера, что за фетиш – у неё в шкафу достаточно других вещей.

Спина ровная, словно каждый позвонок в ней напряжён до предела.

Ремень Уолтера лежит на столе, плотно скрученный, а это значит, что он сегодня ещё его не использовал.

Какая она, оказывается, послушная девочка!

Улыбка сама растягивает мои губы.

Уолтер возвышается над ней. Рядом с ним тарелка с порезанными на дольки персиками, откуда он берёт одну и протягивает малышке Аддерли, но она не реагирует. Глаз не поднимает.

С такого расстояния я не замечаю никаких новых следов побоев на её теле, а старые начинают заживать.

– Посмотри на меня.

Голос Уолтера в полупустой комнате звучит громко, поэтому я неосознанно морщусь от дискомфорта.

Он никогда не обращается к ней по имени, впрочем, как и я сам, что вполне закономерно. Покупатели желают самостоятельно давать своим рабам имена, а иногда – унижительные клички. Они хотят, чтобы мой товар был обученный, дисциплинированный и дрессированный, но оставался безымянным, дабы новый собственник мог сам решить, как его или её потом называть.

Хотел бы я знать, как хозяин зовёт Оливию? Нет. Это не важно. Для неё всё почти закончилось.

А вот для малышки Аддерли только-только всё начинается.

– Посмотри. На. Меня.

На повторное жёсткое требование Уолтера она не поднимает взгляд.

Смышлёная девочка. Со стороны кажется, что она и не дышит вовсе.

Он с шумом втягивает воздух сквозь сжатые зубы, будто зол, и внутреннее безошибочное чутьё мне подсказывает, что оно так и есть. Она ведёт себя как должно – никакого зрительного контакта, но я знаю Уолтера. Он наслаждается наказаниями, поэтому вряд ли успокоится, пока малышка Аддерли не допустит ошибку хотя бы один раз.

Лично для меня, непрерывный поиск изъяна там, где его нет – сущая зубная боль, но некоторые люди живут этим.

Бессознательно напрягаюсь. Дюйм за дюймом я подбираюсь рукой к карману брюк, где нахожу и вожу большим пальцем по кромке старой фотографии.

– Посмотри. На. Меня.

Снова. Голос Уолтера звучит резко, отрывисто – отчасти, в целях коррекции, но его рука уже отложила дольку персика на тарелку и легла на ремень.

Глава 6.3

Девочка не шевелится. Уткнулась взглядом в одну пустую точку в полу.

По ночам, когда я прихожу к ней, она вот так же глядит в потолок или в стену перед собой. Без малейших движений. Позволяет мне дотрагиваться до неё, смазать синяки кремом с арникой. Не дышит. До тех пор, пока воздух не заканчивается в лёгких. А потом жадно, до хрипоты, распахнутым ртом ловит жизнь.

Порой с таким желанием поддаётся бёдрами, выгибается в спине навстречу нежным поглаживаниям, словно от моих пальцев её ведёт до головокружения, и она не желает ничего иного. Только чтобы трахнул её.

Я не приглашал частного гинеколога для осмотра. Покупателю, вероятно, плевать, девственница ли она, иначе бы он уже давно задал мне этот вопрос. Сам я не сумел определить это. Правильнее сказать, не особенно старался, ведь секс с ней лично меня интересует в последнюю очередь. Малышка Аддерли – товар, а не промежность для траха.

Как бы мой клиент ни был снисходителен в требованиях к ней, думаю, ему вряд ли понравится, если я буду развлекаться с ней.

Я сразу понял, что его увлечение ею – нечто глубоко личное. Это могут быть собственные счёты с Бенни Аддерли. Вероятно, у него особый пунктик на хрупких сероглазых брюнеток. Но, возможно, всё гораздо серьёзнее и на то у него имеются патологические причины. Это. Его. Дела. Мне безразлично, в чем его корысть, лишь бы получить то, что он обещал.

Я разослал фотографии малышки Аддерли среди богатейшей клиентуры, как только Бенни просрал сделку в Карибском бассейне, даже не надеясь на то, что в этот раз мне удастся заинтересовать нужного покупателя. Он всегда оставался в тени. Наблюдал. Просматривал мои предложения, которых за эти годы были если не сотни, то тысячи, но никогда не предлагал свою ставку. В отличие от других, которые за каждый день моего молчания, предлагали цену выше собственной прежней.

То, что годами принадлежало ему я не мог выкупить. Я предлагал огромные деньги. Я ПРЕДЛАГАЛ ЕМУ ВСЁ, ЧТО ИМЕЛ. И ДАЖЕ БОЛЬШЕ. Не мог выкрасть. Не имел права убить его и забрать силой. Я мог с ним только договориться.

Кто знал, что именно малышка Аддерли поможет мне с этим!

С её продажей я получу назад нечто гораздо более ценное, чем деньги – я заберу сестру, которую когда-то отдал за долги мой отец.

Уолтер недовольно цокает языком, вновь привлекая моё внимание.

Снова и снова вожу пальцем по кромке старого фото в своём кармане, недоумевая, к чему он клонит, ведь девочка ведёт себя как должно.

Только сейчас и именно в этой коленопреклонённой позе, я замечаю её излишнюю удобу.

Интересно, когда она ела последний раз?

По словам Уолтера она сама отказывается от еды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.